

Имя в литературе

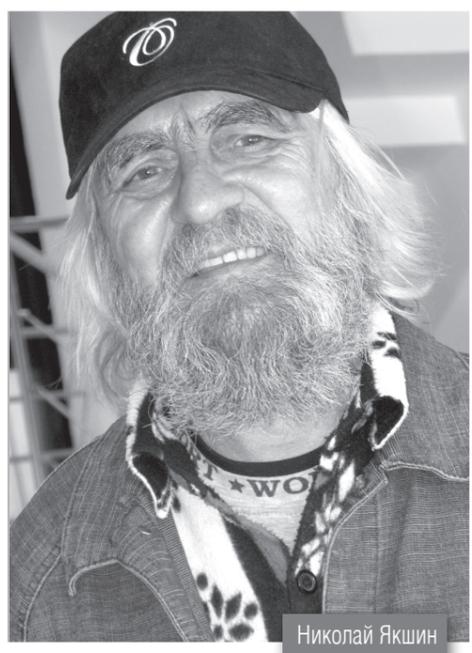
«Вот захочу – и на небо взлечу...»

Исполнилось 75 лет со дня рождения Николая Васильевича Якшина (9.03.1950–9.06.2011)

Николай Якшин – поэт, прозаик, публицист, член Союза российских писателей и Союза журналистов России, автор шести книг стихов. Общественный и культурный деятель, наставник молодёжи, он плодотворно сотрудничал с «Магнитогорским металлом» (16+) – в 1981–1988 вёл литобъединение «Магнит», действовавшее при нашей редакции, в 2005–2011 входил в редколлегию книжных серий «Литература Магнитки. Избранное» и «Литература Магнитки. Контекст», издававшихся под патронажем «ММ» при поддержке градообразующего предприятия – ММК.

Николай Якшин родился в посёлке Коноша Архангельской области в рабочей семье. Магнитогорский поэт, член Союза российских писателей Галина Лещинская, ныне живущая в Москве, рассказывает: «Как говорили ему потом преподаватели в Литинституте, ему повезло. В Архангельской области самый-самый русский язык. Его родители познакомились в немецком плену. Отец был военнопленным, мама – служанкой, нашей, интернированной. Удивлю – немцы даже устроили им свадьбу.

После войны они вернулись в Архангельскую область и родили троих детей. Коля был младшим. К девяти годам он стал сиротой. Ещё при живых родителях детей отдали в детдом. Позже Коля поступил в Суворовское училище в Ленинграде. Потом сбежал оттуда, не выдержав режима.

Николай Якшин

Скитания, армия... В армии стал писать стихи и покупать книги. Решил собрать библиотеку. Приходил в книжный магазин и говорил: «Дайте мне метр книг». Продавец выстраивала книги друг за другом, пока не получался ряд длиной в метр. Коля уносил книги, а потом приходил за следующим метром.

Годам к 27, объезжав много всяких мест и приобретя много профессий (он и сварщик, он и каменщик), Николай поселился в Подмоскowie и стал работать электриком в доме отдыха. К этому времени у него уже было много друзей среди пишущих и в Москве, и в Ленинграде. Он посещал разные литобъединения, уже ему светила постоянная прописка, но...

Однажды он увидел отдыхающую из Магнитогорска. Она великолепно играла в настольный теннис. Коля, привыкший у всех выигрывать, тут проиграл. И сразу поэтом влюбился. Через два дня она уехала. Через недолгое время Коля решил срочно ехать в Магнитогорск. Не зная, нужен ли он там, ждуг ли его, не имея денег на обратный билет...

Да, ещё такой эпизод. Через день после приезда в Магнитку Коля прочёл в местной газете, что во вторник там-то состоится литературное объединение. Коля отправился, ещё совершенно не зная города. Там оказался высокий забор. Коля не стал искать, где его обходить, и полез прямо через него. Это было в центре города, на глазах у публики. Было ещё совсем светло...

Итак, в Магнитогорск Николай Якшин приехал в 1978 году – и дальнейшая его биография связана с нашим городом. Николай Васильевич работал электриком аварийной службы, бригадиром монтажников на строительстве кислородно-конвертерного цеха и контролёром центральной теплоэнергетической лаборатории Магнитогорского металлургического комбината. Посещал занятия городского литобъединения под руководством Нины Кондратковской. Вскоре устроился в газету «Магнитострой» (16+). С тех пор

успел также поработать в газетах «Магнитогорский металл» (16+), «Обувщик» (16+), «Магнитогорский рабочий» (16+).

В 1987 окончил Литературный институт имени Максима Горького – семинар Владимира Цыбина. Выступил организатором литературной группы «Дыхание». В 1996–2004 Якшин – один из основателей и член редколлегии литературного журнала «Берег А» (16+). В 1996–2003 Николай Васильевич руководил городским литобъединением имени Бориса Ручьёва.

В 1997 году вышло поэтическое пятикнижие Николая Якшина: «Пыльца» (16+), «Краем жизни» (16+), «Круговерть» (16+), «Жёсткое дыхание» (16+) и «Веки светлеют» (16+). В 2006 в серии «Литература Магнитки. Избранное» издан сборник лирики «Прописи» (16+).

Бывший магнитогорец, ныне москвич, поэт, член СПИ Игорь Варламов вспоминает о друге: «Он был очень подвижным, импульсивным человеком. Мог встать из-за стола во время своего дня рождения, выйти из комнаты... и пропасть. Гости хватаются: «Эй, а где наш юбиляр-то?..» А он объявится через неделю как ни в чём не бывало и скажет, что был в Москве: мол, уж очень захотелось погулять по весенней столице!»

В 1997-м – это был насыщенный событиями год для Николая Васильевича – по рекомендации Олега Хандуса Якшин и его собратья по перу Александр Ерофеев, Игорь Варламов, Владимир Некрасов, Вячеслав Пшеничников вступили в Союз российских писателей. Созвездие магнитогорцев было настолько заметным на литературном небосклоне России, что в

1998 году в неоглашенной Магнитке было создано региональное отделение СПИ.

Часто бывая в Москве, Николай Якшин многое делал для продвижения творчества одарённых земляков. В их числе Наталья Карпичева, ныне – поэт российского уровня, член СПИ, организатор литературных событий международного масштаба. В 2004 вышла её дебютная книга. Тринадцать лет спустя (и через шесть лет после смерти Якшина) в Магнитогорск приехала на поэтический фестиваль «ГУЛ» (16+) первый секретарь правления Союза российских писателей Светлана Василенко. Она с теплом рассказывала: когда-то Якшин буквально заставил руководство СПИ открыть сборник юной Наташи... И так он был во всём – если что-то отстаивал, то горячо и страстно. И от всего сердца радовался чужим творческим удачам.

Библиотекарь, литературный краевед Маргарита Шевченко писала о Николае Якшине: «Конфликтный, бескомпромиссный, неприкаянный и до последних лет житейски неустроенный, он не был мэтром в академическом смысле слова, зато был личностью яркой, умел увлечь, повести за собой».

Память о нём остаётся настолько живой, а ощущение потери – настолько острым, что в 2017 году друзья, собравшись по перу, ценители творчества объединились, чтобы создать книгу о Николае Васильевиче. Под редакцией Александра Власкина, Александра Ерофеева и Владимира Некрасова на пожертвования энтузиастов вышла книга-мемориал «Коля» (18+) – первый выпуск серии «Литература Магнитки. Архив» – с воспоминаниями, поэтическими посвящениями Якшину и его ранее не издававшимся стихами. Как и сборники стихов Николая Якшина, она есть в городских библиотеках. Этот поистине народный проект – дань уважения и благодарности народному поэту.

Елена Лещинская

Поэзия

Николай Якшин

***

Будто на руки сдали четыре туза,
Я живу, дурака веселей –
Золотые занозы пронзили глаза
И блуждают по крови моей.

Если, темень кляня, безнадежные дни
По привычке ко мне залетят –
Собираются в кончиках пальцев они
И чернила мои золотят.

По запретному имени
Льдинкой скользну –
Зазвенит возмущённо оно.
Ну, казни же скорей, чтоб стекало
В казну
Забродившее в жилах вино.

Вот тебе голова. Хочешь, в корень
Руби,
На высокое вздён остріе
В назиданье горячим, горячим,
Другим.
Хочешь, буйную, милуй её.

И опять я живу, дурака веселей.
А и меч дураку не указ,
Если он наглотался калёных углей
Из твоих распалвшихся глаз.

Не затем ли Господь
Бельгий свет сочинил,
Чтоб я думал, затылок скребя,
Как бы мне, дураку,
Золочёных чернил
Повернее плеснуть на тебя?

***

Негромко истина живёт:
Молчит, вина набравши в рот,
А то по улице тишком
От сих до сих идёт пешком.
К речистым в гости забредя,
Она не выкажет себя,
Не взгорячится, не вскричит,

А улыбнётся и – смолчит.
Её как будто бы и нет.
Но чей тогда светлеет след
То на асфальте, то в строке,
То в придорожном васильке?
Она, она – горчит в меду,
Она, она – сластит беду,
Она – в дыхании твоём.
Везде она. Ей всюду дом.

***

Вот захочу – и на небо взлечу,
Вот захочу – и стану невидимкой,
Не льдинкой тонкой,
А дыханьем льдинки
Я воскурю по вешнему лучу.

И будет мой бухгалтер потрясён,
Когда меня зарплата не отыщет.
Полубольной, пересчитает тыщи
И надолго задумается он.

А мне-то что? Я на небе живу.
В согласии с законами природы,
Плыву себе через ветра и годы,
Объектом неопознанным плыву...

Мы все прошли летательный
Ликбез.

С мостов, церквей
и Эйфелевой башни,
А кто и со смешной пяташка,
Шагнули мы в объятия небес.

Когда хотим, мы ходим по земле,
Твердим стихи и отрицаем платье,
Но никому и ни за что не платим,
Поскольку есть отметка на челе.

***

Я скажу пока что наживо,
Паутинкой по лицу:
По одной дорожке хаживать
Дураку и мудрецу.

К дураку ли за безделицу,
Мудреца ли за дела
Прилепили – не разделятся
Их похожие тела.

Это в Пизе башни падают,
А у нас надёжен строй:
К мудрецу с его лопатой
Прикреплен дурак с метлой.

И кому нужны оттенки,
Коль выходит то на то –
Ни угла у них, ни стеночки,
Ни пальто и ни авто.

Одинаковыми дозами
Пьют без закуски первак
Мудрый, с вечными вопросами,
И с ответами – дурак.

Мудрый холост от рождения,
Дурень до смерти один –
Отживут без продолжения
И растают, словно дым...

Им войти бы в соглашение,
Разделиться б меж собой,
С двух сторон начать сражение
С промежуточной средой,

Отобрать бы у посредственных
Свой законный минимум –
Одному бы на бессребренность,
А другому бы – на ум.

Но среда не льком шитая,
Разделяться не даёт –
Как затопает, зашкает,
Как скомандует: вперёд,

Как направит их комиссия
В дом, где вылетат весьма
Одного – от недомыслия,
А другого – от ума.

***

Хриплый вечер отмечен
Отвесным дождём.
Что-то нужно уже,
но давай подождём.
И куда-то сейчас, но болит голова,
Потому что больные
бормочет слова.
Было время менять
и винить на глазок,

Стало время ронять
часовой пояс,
И простое крутить
на мизинце кольцо,
И за чёлку падучую прятать лицо.
До патрона дожечь
стосвечовую нить,
Чтобы некому не за что
было винить,
И вдохнуть напослед,
и забыться легко,
Безмянно в речное ступив молоко.

***

Уже траву поцеловал мороз,
И осень пишет серебром по охре –
И чудно так, и, кажется, всерьёз –
Надгробье лету – ахать или охать?

Вот и старик. Его почти что нет.
Был так весом – стал легче
полутени.
Скорее бы потусторонний свет,
Чем вслушиваться,
как хрустят колени.

Земля стара. Елозит на оси
Заржавленной, привычно и устало,
В седирах облаков. А расспроси –
Не помню я. Не знаю. Не видала.

Надежды нет. Ну, разве как на то,
Что женщины к весне готовят
грядки,

А девочки приносят под пальто
Набухшие любовью тетрадки.

***

Лук на полу.
Мышка в углу.
Синяя ваза на подоконнике белом.
Это душа расстается с телом –
Так, на часок,
Нить серебристую, как паучок,
Из себя выпускает.
Вот ведь какая
В мире привязанность есть
серебристая,
Чистая.

Надо-то ей на кончике ножика
соли,
Света – с наперсток – звезды
И на доньшке воли.
Вот погуляет чуток –
И скорее обратно,
Чтобы свернуться в клубок
Под диафрагмой.

Утром – молчок,
Будто нигде не бывала.
А расспросить – и что бы она
рассказала?
А подыграть – и что бы такое
пропела?..

Лук на полу,
Мышка в углу,
Синяя ваза на подоконнике белом.

***

И когда до последнего вздоха
Будет вытита жизнь,
«Ну и как, хорошо или плохо?» –
Я услышу. Скажу: отвяжись.

И кукушка когда заводная
Захлебнётся последней «ку-ку»,
«Ну и сколько?» – услышу. Не знаю,
Я теперь и считать не могу.

И когда дорогого лекарства
Запоздалую цену пойму,
Я услышу: «В какое же царство?» –
И отвечу: в крошечную тьму.

Засвистит, захочет, завоюет
И подхватит, и вниз понесёт,
И одно только слово живое,
И твоё только слово спасёт.

Значит, вот как устроено в свете,
И устроено так неспроста:
За родителей каются дети,
А хлопчат за нас чистота.

Оглянись на далёкие дали,
К голубому принику лучу:
Среди брани, гульбы и печали
Я прощенье твоё различу.